

ЦВЕТOK СИОНА

Записки паломника ко Гробу Господню

Протоиерей Сергей Гусельников

*Я б полетел к горе Сиону,
Где вечно светит благодать,
Чтоб, к горнему прильнувши трону,
От дальней жизни отдыхать.*

Ф. Н. Глинка

*И помню я, паломник недостойный,
Святых чудес заветныя места,
Тот свод небес, безоблачный и знойный,
Тот вечный Град бессмертнаго Креста.*

П. А. Вяземский

ЦВЕТОК СИОНА

Записки паломника ко Гробу Господню

*Светлой памяти
архимандрита Антонина (Капустина),
устроителя русских земель
в Палестине*

Москва
Издательство «Апостол веры»
2016

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р16–616–0614*

ОТ АВТОРА

Писать о Святой Земле, нашей духовной родине, одновременно трудно и легко. Это как первый раз признаваться в любви... Трудно, потому что душу охватывает трепет: а как отзовутся твои сокровенные слова в сердце любимого человека, не ответит ли он отказом?! Легко, потому что признаёшься в самом прекрасном чувстве, которое озаряет твою жизнь лучезарным светом, которое является главным смыслом твоей жизни и соединяет тебя с Богом, ибо *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 16).

Каждый верующий человек, побывав в Земле Обетованной, опять всей душой стремится туда, на свою духовную родину. Ведь там находятся ясли Спасителя, Его Живоносный Гроб, место погребения Божией Матери, другие величайшие святыни. Точно так же мы стремимся на свою земную родину: там наша колыбель, родительский дом, дорогие памяти родные места, могилы предков...

Паломник, владеющий пером, просто не может не написать о своих впечатлениях и переживаниях, вызванных посещением святых мест Палестины. Поэтому о Святой Земле существует много литературы в жанре паломнических записок. И каждая книга по-своему уникальна, как уникален автор с его *личными* впечатлениями и *личными* переживаниями.

Книгу «Цветок Сиона» я старался писать так, чтобы читатель не только получил полное представление о

Гусельников С.

Цветок Сиона. Записки паломника ко Гробу Господню. — М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2016. — 576 с.

Боголюбивый читатель, эта книга с поэтическим названием «Цветок Сиона» является духовным путеводителем по Святой Земле. Каждый православный христианин мечтает совершить паломничество на Святую Землю, припасть с молитвой к главным святыням всего христианского мира, попасть туда, где совершился Искупительный подвиг Господа нашего Иисуса Христа. Благодаря литературному таланту автора книги протоиерея Сергия Гусельникова Земля Обетованная зримо предстаёт перед восхищённым взором читателя и зовёт поклониться её святыням...

Думается, что эта книга поможет многим расширить своё представление о Святой Земле и глубже осознать своё духовное родство с Землёй Спасителя.

© Издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И.Ю.), 2016

ISBN 978-5-9906668-8-7

нашей духовной родине, но и захотел сам совершить туда паломничество.

От всей души благодарю Александра Витальевича Громова и Екатерину Викторовну Арутюнян за неоценимую помощь в работе над книгой, а также многих и многих людей, оказавших мне молитвенную поддержку.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки.

Тропарь 8-й песни Пасхального канона

Иерусалим, Иерусалим! Я расстаюсь с тобой, любимый город! Любимый, потому что невозможно не полюбить тебя, хотя бы раз пройдя по твоим улицам и прикоснувшись к твоим святыням, к которым стремится всякая душа христианская. Город Святой. Город Золотой. Как ты прекрасен в лучах закатного солнца Палестины! Белый камень твоих домов, впитавший за день солнечный свет, вечером отдаёт его обратно и поэтому светится розовато-золотистым сиянием. Когда спускаешься с Елеонской горы, откуда ты виден как на ладони, то, любуясь этой непередаваемой словами картиной, всем своим существом ощущаешь, что ты уже не земной, а Небесный Иерусалим, Град Божий, куда призваны после Крещения войти и унаследовать Обители Отца Небесного все верующие во Христа. *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя* (Пс. 136, 5). Эти слова псалма становятся на твоих улицах не просто словами, а биением сердца, навсегда влюблённого в тебя...

Мы, паломники из России, покидаем тебя с тайной надеждой — приехать сюда ещё хотя бы раз...

Милостивый Господь исполняет каждое благое прошение наше: через полтора года я снова вернулся к тебе, земной и в то же время Небесный Иерусалим.

...Долгая дорога была у меня на Святую Землю, больше десяти лет. Ещё до того, как Господь сподобил меня принять сан священника, в середине девяностых годов прошлого века, моя знакомая Валентина Петровна, работающая в епархиальной службе «Паломник», стала организовывать первые поездки в Палестину, чтобы поклониться Гробу Господню и другим святыням. Она несколько раз предлагала мне поехать туда с группой, но я отказывался: дети маленькие, загранпаспорта нет, а оформить времени не хватает. Да и после рукоположения в священники владыка направил меня служить в приходской храм, а это значит, что не только у архиерея надо брать благословение на паломничество, но и у настоятеля отпрашиваться. Батюшек же у нас всегда не хватало, поэтому загруженность была большая. К тому же, честно сказать, считал себя недостойным проявлять свою волю и ехать в самое святое место на планете. Думал так: если угодно будет Господу Богу, Он Сам меня позовёт и всё устроит. А тут ещё духовник епархии протоиерей Иоанн Букоткин, ветеран войны, с которым мы тесно общались, по поводу паломнических поездок всегда замечал: «Вот храм Божий. Здесь мне и Иерусалим, и Афон, и Киев, и Дивеево!» Правда, духовные чада всё же свозили его и в Дивеевскую обитель, и на Святую Землю. У меня почти так же получилось.

Есть среди моих духовных чад семья, в жизни которой мне пришлось принять самое непосредственное участие: Александра я крестил, потом повенчал с женой Светланой, вскоре у них родилась дочка Маша, которую я тоже крестил. Они по обету поехали в итальянский город

Бари поклониться мощам святителя Николая. Съездили раз, второй... Подружились с отцом Владимиром Кучумовым, настоятелем Русского подворья, рассказали обо мне, книжечку мою со стихами в подарок от меня передали, пожаловались, что я не хочу никуда ехать. И придумали такую хитрость. Говорят мне: «Вас отец Владимир к себе в гости приглашает, чтобы лично познакомиться!» Ну как тут откажешься... Только заикнулся: «Да у меня же загранпаспорта нет!», а они в ответ: «Мы вам, отец Сергей, всё за несколько дней оформим и визу по приглашению отца Владимира через итальянского консула в Самаре сделаем». Так я оказался в феврале 2007 года в Бари, познакомился с отцом Владимиром, служили с ним вместе на мощах святителя Николая.

Всё же как хорошо иметь священнику духовных чад! Через них зачастую проявляется неизречённая милость Божия.

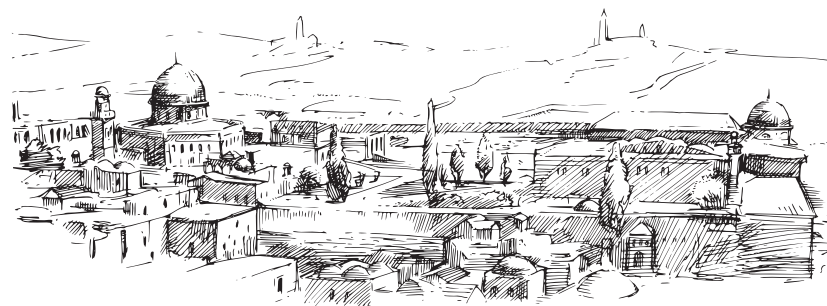
Валентина Петровна с активно помогавшей ей дочерью Екатериной, крёстной моего младшего сына, узнали о моей поездке в Италию и тоже не оставили места для отступления: «Паспорт у тебя теперь есть, дети подросли, что мешает поехать с нами на Святую Землю?» Ответить мне было уже нечего, и я согласился. А вот где взять деньги на поездку? Священник едет со скидкой, но всё равно сумма немалая. Решился и этот вопрос. Другой мой духовный сын, директор фирмы, помог оплатить расходы.

И вот в Страстной Четверг, 24 апреля 2008 года, с большой паломнической группой в 28 человек по благословению архиепископа Самарского и Сызранского Сергия я отправляюсь на Святую Землю. Кстати, летят со мной и Александр со Светланой, и их шестилетняя Маша.

В ту первую поездку, когда я собственными глазами видел схождение Благодатного огня и встречал Пасху в Иерусалиме, я потерял в Галилее свои чётки. Примета не примета, однако, спустя не такой уж большой промежуток

времени, в октябре 2009 года, Господь снова сподобил меня с паломнической группой из Самары и младшим сыном Михаилом прямым авиарейсом отправиться в благословенную Палестину. И в этой поездке оказал мне, грешному, великую милость — дал редчайшую для верующего человека возможность — больше часа ночью вместе с Мишей на коленях молиться на Гробе Жизнодавца Христа!

Поэтому повествование моё будет складываться из переплетающихся рассказов о весеннем, пасхальном, и осеннем паломничествах ко Гробу Господню.

ГОД 2009-й. ОКТЯБРЬ

Самолёт мягко приземлился в аэропорту Тель-Авива Бен Гурион. Между прочим, этот город, построенный в 1909 году практически на песке рядом с Яффой (библейская Иоппия) и с 1950 года признаваемый ООН за столицу Израиля (хотя сами израильтяне справедливо считают своей столицей Иерусалим), носит не современное название, а древнее. С иврита оно переводится как «груда колосьев» или «груда новых плодов». В библейские времена существовал город Тел-Авив в Месопотамии при реке Ховар, где жили пророк Иезекииль и много еврейских переселенцев. Теперь же появившийся в начале XX века город с таким названием — крупный мегаполис на берегу Средиземного моря.

Нас встречает директор израильской туристической фирмы Олег. Мы с ним уже знакомы с прошлого паломничества на Святую Землю, так что дружески обнимаемся, как старые знакомые. Олег представляет нам водителя автобуса Эсама, который будет возить нашу группу по Святой Земле. Эсам — араб, молодой мужчина лет тридцати, невысокий, с приличным брюшком и с круглым добродушным лицом...

В темноте почти ничего не видно за окнами, только неясные очертания проплывающего мимо палестинского

ландшафта да звёздочки далёких огоньков. Тем не менее, чтобы зря не терять время, Екатерина для тех, кто приехал сюда первый раз, рассказывает об Израиле...

Палестина — одно из самых удивительных мест на планете. Это своеобразная модель всего мира. На небольшой территории (площадь Израиля составляет всего 20,8 тыс. кв. км) есть буквально всё: и горы, и безжизненные пустыни, и плодородные долины, и леса, и оазисы, и саванны, и моря, и реки, и озёра. Перепад поверхности земли составляет от 900 метров над уровнем моря до 450 метров ниже этого уровня. Поэтому в Иерусалим, центр трёх мировых религий, расположенный на высоких Иудейских горах, не въезжают, не входят, а поднимаются. А Мёртвое море — самая низкая точка на земле. С севера на юг Израиль тянется на 550 километров, а с запада на восток его протяжённость всего 130 километров, так что при желании за сутки можно объехать всю страну. И ещё одна важная деталь — Палестина находится в самом центре планеты.

За разговорами время летит быстро, и наш автобус уже приближается к древней столице Израиля.

Даже ночной Иерусалим отличается от других городов мира. Вроде бы такие же улицы и перекрёстки, электрические огни, рекламные вывески, транспорт, идущие по тротуарам и стоящие на остановках люди, но всё необычайно светлое. По особому установившемуся правилу все здания в Иерусалиме должны строиться исключительно из местного светлого камня. Поэтому он и ночью неповторимый по красоте город. Светлый. Когда-то и нашу Москву строили из белого камня, и она называлась Белокаменной столицей. К сожалению, это осталось в прошлом. А Иерусалим и сейчас — белокаменная столица мира. Он и переводится с иврита как «основание, обладание, жилище мира». Святой Град, Град Божий. Прав-

да, сейчас мы едем дальше — в город, где родился Господь наш Иисус Христос.

Въезжаем в Вифлеем через КПП. Там уже арабская автономия. Солдаты с автоматами. Эсам — свой. Сказал, что везёт русских паломников — «пилигрим». Нас быстро пропускают. По ночному городу проезжаем в отель «Интерконтиненталь» — лучший в Вифлееме. В фойе на столике стоит ваза с большими колосьями пшеницы. Я знаю, почему. Вифлеем (по-еврейски Бейт Лехем) — «дом хлеба». Поэтому эти колосья — символ города.

Отель состоит из нескольких зданий на разных уровнях, соединённых по периметру террасами, переходами, лестницами. В общем, арабский лабиринт, и попасть в свой номер с первого раза не так-то просто.

Наконец мы расселяемся и сразу же спускаемся в ресторан на ужин. Огромный зал, но людей немного, потому что время позднее. Шведский стол. Выбор блюд настолько разнообразен, что невозможно даже глазами всё это охватить, не то что попробовать. Рассаживаемся за столики с табличками, на которых английскими буквами написано: «Samaga». За нашим столиком, а вернее, столом, уместилось девять человек. В честь приезда на Святую Землю заказываем две бутылки местного красного сухого вина. Пожилой официант в жилете и при галстукке профессиональным жестом разливает его по бокалам. Для нас это не просто вино, а божественный напиток, сделанный из винограда, выращенного на земле, освящённой пречистыми стопами Спасителя мира...

Вернулись в номер. Как это ни странно, от него повеяло родным русским бытом. При детальном осмотре нашего временного пристанища оказалось, что встроенный в шкаф холодильник не работает, большая настольная лампа перегорела, дверь в ванную комнату не закрывается, зато на стене рядом с унитазом висит телефонная трубка, правда, с разбитым стёклышком над световым

индикатором. Видимо, до нас здесь тоже жили русские, не желающие подстраиваться под мировые стандарты. Может, я и ошибаюсь. Удивила меня также картина в рамке на стене ванной. На картине изображён палестинский пейзаж и внизу надпись на английском: «Welcom to Palestine». Вообще-то можно было повесить её и в сам номер. Но там над двуспальной кроватью с лежащими на ней в восточной манере подушечками разных размеров висят другие картины: веточки оливкового дерева. Оливковое дерево — одно из главных богатств Израиля. Оно даёт маслины, ценное оливковое масло используется в пищу и для лампад, из стволов и ветвей резчики по дереву делают замечательные сувениры и скульптуры: от крошечных до размером с человеческий рост. В Вифлееме живут самые искусные мастера.

В верхнем ящичке прикроватной тумбочки лежат Коран и Евангелие на французском языке. Торы здесь быть не может, потому что отель арабский, а евреи и арабы живут в состоянии затяжной войны. Уставшие за долгий, насыщенный впечатлениями день, начавшийся в Самаре и закончившийся в Вифлееме, помолившись перед устроенным мной на верхней крышке шкафа импровизированным святым уголком, ложимся спать.

* * *

Проснулся я около четырёх часов утра по местному времени от громкого гортанного крика муэдзина, усиленно-го несколькими динамиками. Стало немного не по себе — мы же не в Турции, а в колыбели христианства Вифлееме! Почему я, православный священник, должен размыкать свои глаза от раннего мусульманского намаза? С таких, не очень приятных мыслей, начался мой новый день.

Во время паломничества по Святой Земле нам не раз ещё придётся столкнуться с громогласным навязывани-

ем всем без исключения религиозного самовыражения представителей ислама. Агрессивность и нетерпимость палестинских мусульман отмечали практически все, кто описывал своё посещение Святой Земли. Тут уж никак не скажешь, что Восток — дело тонкое.

Попытался заснуть, но в пять утра муэдзин ещё раз что-то громко прокричал, и сон окончательно покинул меня.

Когда мы с Мишей уже умылись и стали через окно рассматривать город, оказалось, что совсем недалеко от отеля над плоскими крышами домов возвышается минарет мечети.

А ведь сегодня Покров Пресвятой Богородицы, праздник, особо почитаемый на Руси. К сожалению, для нас он начался не с колокольного звона...

На утреннюю молитву вся группа собралась в наш номер. Вернее, это было молитвенное собрание, так как после прочитанного мною вслух утреннего правила с молитвой к Божией Матери и благословения молящихся крестом Валентина Петровна и Екатерина рассказали о программе на предстоящий день.

Храм Гроба Господня

Подкрепившись плотным завтраком в арабском ресторане и прихватив с собой бутылочки с водой — всё-таки тридцать с лишним градусов тепла, — садимся в автобус. Эсам говорит по-русски, растягивая гласные звуки: «До-обро-ое у-утро!» У него четыре дочки, недавно родился мальчик, поэтому он доволен — теперь есть наследник! Эсам приветливо улыбается Мише и хлопает его по ладошке: «Микаель!» Девятилетний Миша — единственный ребёнок в нашей группе, он сразу становится всеобщим любимцем, а Эсаму — маленьким другом.

Возле автобуса тут же появляются два араба-торговца с нехитрым товаром. У одного в руках разноцветные сумки с видами городов: Вифлеем, Назарет, Иерусалим, Кана Галилейская; игрушечные мягкие верблюжата с музыкой внутри. У другого — деревянные пастушеские дудочки, напоминающие о тех пастухах, которым первыми явились ангелы и возвестили о рождении Спасителя мира: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!»

— Уличные торговцы в Вифлееме всё продают дешевле, чем в магазинах и на лотках, — объясняет Екатерина, — а товар такой же. Кому что нужно — покупайте!

После недолгой торговли — без этого на Востоке нельзя — покупаем с Мишей сумки в подарок женщинам, верблюжат — его друзьям, ему — дудочку, которая стоит всего лишь один доллар.

Вообще уличные торговцы на арабских территориях в буквальном смысле преследуют туристов и паломников везде: у отелей, у монастырей, у магазинов, у автобусов. Цены сбрасывают быстро, лишь бы побольше продать товара. У арабских детей другой бизнес. Они подбегают к тебе с протянутой рукой и таким видом, будто это их последний шанс не умереть с голода, и жалобно канючат: «Ван доллар! Ван доллар!» Позднее наш израильский гид Александр по этому поводу заметил: «Если обычно первое слово, которое произносит ребёнок, — «мама», то у арабских младенцев первое слово — «доллар». За время паломничества нам не раз пришлось убедиться в правдивости сказанных им слов.

Автобус трогается, но неожиданно возникает пробка. По сравнению с прошлой поездкой, как мне показалось, количество транспорта в Израиле увеличилось. В Иерусалиме, например, прокладывают пути для первого трамвая.

Минут через десять мы начинаем двигаться заметно быстрее. Проезжаем пограничный пункт, Эсам снова объ-

ясняет, что мы — русские пилигримы. Впрочем, пограничникам и так понятно: мы с Мишей сидим за Эсамом на переднем сиденье, я в рясе, скуфейке и с наперсным крестом. На израильском КПП девушка в военной форме и с автоматом заглядывает в салон и даёт напарнику знак пропустить автобус.

Помню, в пасхальной поездке нас здесь так быстро не пропустили. Тогда православная Пасха почти совпала с иудейской, евреи уже праздновали свою. Паломников и туристов в Иерусалим стеклось со всего мира огромное количество, поэтому бдительность на пограничных территориях была повышенной. Израильские солдаты внимательно всех осмотрели — а вдруг с нами едет арабский террорист (!), проверили загранпаспорта и только тогда впустили нас в пределы Иерусалима...

От Вифлеема до столицы Израиля всего восемь километров, так что минут через двадцать наш автобус уже катится по её улицам. Екатерина снимала на видеокамеру окрестности и комментировала это:

— Посмотрите налево. За окнами виден старый Иерусалимский железнодорожный вокзал. В начале прошлого века сюда прибывали поезда из Яффы, расположенной на берегу Средиземного моря. Русские паломники отправлялись в Яффу из Одессы пароходом. После революции паломничество на Святую Землю практически прекратилось, вокзал закрыли. Теперь в Иерусалим приезжают на автобусах. А вокзал стал музеем...

Пока наш автобус движется по направлению к Старому городу, есть время познакомиться с его историей.

* * *

Иерусалим (у евреев Иерушалаем, у арабов Эль-Кудс) восходит своей древностью ко временам патриарха Авраама. Тогда на этом месте располагался город Салим, где царём

и первосвященником был Мелхиседек, таинственная личность, прообраз Иисуса Христа, ибо, как пишет в Послании к евреям апостол Павел, он представляется без отца, без матери, без родословия, не имеющим ни начала дней, ни конца жизни, поэтому, «уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр. 7, 3). При возвращении Авраама с отбитыми у четырёх восточных царей людьми и имуществом пленённого ими его племянника Лота Мелхиседек вышел навстречу патриарху с хлебом и вином. Каждому православному понятно, что такое хлеб и вино. Это предвозвещение Тайной Вечери, Таинства Евхаристии. Поэтому некоторые богословы видели в Мелхиседеке ветхозаветное явление Сына Божия. На самом деле царь Салимский — естественный потомок Адама. Псалмопевец Давид видит будущего Мессию как «священника вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109, 4).

Сначала Иерусалим назывался Иевусом — по имени Иевуса, начальника иевусеев. Царь и пророк Давид завоевал этот город у иевусеев и сделал его столицей своего царства. На северо-западе от старого города он построил крепость и перенёс сюда ковчег Завета. Сын Давида Соломон построил там величественный храм. Поэтому крепость, или город Давидов, стала избранным Богом для Своего обитания, престолом славы Божией, являвшейся в храме Господнем, Градом Божиим, городом Великого Царя, святым городом всеобщего спасения. Иногда же, оскверняемый языческим нечестием и убийствами, Иерусалим делался городом кровей (см.: Иез. 22, 2).

Древний город находился на широкой плоской возвышенности (от 800 до 900 метров над уровнем моря, в зависимости от высоты гор), на горах святых. При Давиде — на двух (Мория, где Авраам некогда готовился принести в жертву своего сына Исаака, и Сион), к которым позднее были присоединены ещё две (Акра и Везефа). На востоке долина Иосафатова с потоком Кедрон, на юге и западе долина Ги-

он, переходящая в Енномову, служили его границей. На горе Мориа евреями был возведён первый (Соломонов), а после его разрушения халдеями второй (Зоровавелев) храм, перестроенный Иродом Великим и разрушенный в 70 году по Р.Х. Мусульмане на месте Иерусалимского храма построили так называемую мечеть Омара. Она стоит на площади Харам-эш-Шериф («священная ограда»). Мусульмане называют её Курбет-эс-Сахра («купол скалы»). Считается, что именно с этой скалы началось творение мира, а последователи Магомета утверждают, что именно с неё пророк возносился («ездил») на небо. Раньше мусульмане, за редким исключением, не пускали христиан не только в мечеть Омара, но даже на саму площадь. Ирод Великий на западном углу площади построил названную в честь его римского покровителя, триумвира Марка Антония, знаменитую башню Антония.

Гора Сион находилась на юго-востоке от горы Мориа. Главная часть города располагалась на севере от Сионского холма и крепости Давида.

После разделения Еврейского царства на Иудейское и Израильское Иерусалим становится столицей Иудейского царства, и с этого времени начинается трагическая полоса в его истории. Святой город несколько раз захватывают, грабят и даже разрушают, в том числе и храм Соломонов. Первое разрушение Иерусалима и храма было совершено вавилонским царём Навуходоносором, который большую часть евреев увёл в плен. Персидские цари Кир, Дарий I и Артаксеркс I позволили иудеям восстановить город и храм, а великий полководец Александр Македонский даже принес жертву Богу в иудейском храме и покровительствовал Иерусалиму. Потом его захватили египетские цари Птолемеи и сирийские Селевкиды, а в 63 году до Р.Х. римский полководец Помпей захватил Иудею, которая навсегда лишилась политической независимости и стала подвластной областью Римской империи. После неудачной попытки евреев сбросить с себя иго римлян во время Иудейской войны

67—70 годов по Р. Х. Святой город был полностью разрушен римским полководцем Титом, Иерусалимский храм сожжён, а оставшиеся в живых жители (считается, что при осаде Иерусалима погибло 1 100 000 иудеев) были взяты в плен. Однако евреи не успокоились и в 135 году снова подняли восстание против римлян. Посланный языческим императором Адрианом полководец Юлий Север по его приказанию не только полностью разрушил Иерусалим, но и сровнял его с землёй. Именно тогда Адриан повелел засыпать пещеру с Гробом Господним и на холме построить языческое капище, что впоследствии позволило найти эту великую святыню. На месте разрушенного Иерусалима возвели новый город Элия Капитолина, который заселился новыми жителями. Иудеям же под страхом смерти было запрещено даже приближаться к этому городу. Только в IV веке при императоре Константине Иерусалим восстал из руин и снова получил своё название. Евреям император позволил посещать Святой город, но всего один раз в год.

Бедствия продолжали преследовать Иерусалим. В 614 году его захватили и разграбили персы, в 638 году — арабский калиф Омар, в 1008 году — египетский султан Хаким, в 1517 году — турецкий султан Селим. На 400 лет Палестина стала владением Османской (Османской) империи, пока в 1917 году её не заняли англичане. В 1534 году султан Селим построил вокруг Святого города каменные стены, которые мы видим и в наше время.

Вплоть до начала XX века Иерусалим, ныне называемый Старым городом, занимал в основном гору Мориа и имел небольшую площадь — всего один квадратный километр. В город можно попасть через главные ворота: на западе — Яффские (Хевронские, Вифлеемские), на юге — Сионские (врата Давида), на востоке — Гефсиманские (Овечьи, ворота Стефана, врата Святой Девы, Львиные), на севере — Дамасские (Сихемские). Кроме них, были и другие: Навозные, Цветочные (Иродовы), Ефремовы, Вениаминовы, Рыбные, Водяные,

Конские, Темничные, Железные, упоминаемые в Священном Писании. Пожалуй, самыми известными являются Золотые ворота Иерусалима, находящиеся на его восточной стороне. Именно через них совершился вход Господень в Святой город. Последователи Магомета, веруя в предсказание, что этими воротами войдёт их победитель, заложили Золотые ворота камнем.

Старый Иерусалим разделялся и до сих пор разделяется на четыре квартала: христианский, имеющий своим центром храм Гроба Господня; армянский — в западной части Сиона; еврейский — на восточной стороне Сиона с остатками западной стены по отношению к Соломонову храму (так называемая Стена плача, куда иудеи собираются по пятницам для молитвы и оплакивания утерянного святилища); мусульманский, самый многочисленный квартал, занимающий две трети города с их главной святыней — мечтью Омара.

В XX веке началось строительство за пределами Старого города. С 1920 по 1947 год Иерусалим являлся центром английской подмандатной территории, а после арабо-израильской войны 1948—1949 годов был разделён на две части: восточная отошла к Иордании, западная — к Израилю. В 1950 году Израиль объявил Иерусалим своей столицей. В 1967 году во время семидневной войны израильтяне захватили и восточную часть города.

Новый город стал стремительно разрастаться и сейчас представляет собой современный мегаполис с правительственными зданиями, университетом, комфортабельными отелями, огромной, известной на весь мир больницей и т.д.

В 1847 году в Иерусалиме была учреждена Русская Духовная Миссия для русских подданных и русских богомольцев. С 1882 года там начало свою работу Императорское Палестинское Общество, возглавляемое великим князем Сергеем Александровичем Романовым, впоследствии убитым террористом Каляевым на Кремлёвской площади. На территории

Духовной Миссии выстроили по образцу афонских церквей собор во имя Пресвятой Троицы. Самый известный из руководителей Миссии архимандрит Антонин (Капустин) (1817–1894), прилагая огромные усилия, приобрёл для России много земель на святых местах Палестины, построил на них храмы и монастыри, а в Иерусалиме устроил Музей христианских древностей.

* * *

Действительно, количество транспорта в Иерусалиме за последнее время настолько увеличилось, что Эсам не смог подъехать близко к стенам Старого города и остановился на одной из улочек неподалёку.

Выйдя из прохладного, оснащённого исправными кондиционерами салона автобуса, мы сразу попали в объятия жары. В тени плюс 35 градусов по Цельсию. Несмотря на осень, в Иерусалиме царит хамсин*. У каждого с собой бутылочка питьевой воды, без которой в Палестине обойтись совершенно невозможно, иначе может незаметно наступить обезвоживание организма. Солнце на Востоке стоит низко над горизонтом, не так, как у нас. Оно палит с небесной высоты от всей своей солнечной души и прожигает землю насквозь, не оставляя даже места для живительной тени, разве только облако его закроет или высокие дома и деревья. В Палестине солнце не жжёт, но высушивает воздух и создаёт духоту, а ночью на улице становится прохладно. Это в центральной части. На побережье же Средиземного моря воздух влажный, и жара переносится тяжелее. Однако когда дует хамсин, в Иерусалиме и ночной порой прохлады не найдёшь.

Ходить по Иерусалиму довольно интересно и увлекательно. Здесь можно увидеть и евреев-ортодоксов в чёр-

ных одеждах, в широкополых шляпах, с пейсами (по закону Моисееву волосы и бороду иудеям стричь нельзя, поэтому они оставляют две завитые косички по бокам — пейсы, а остальное стригут — жарко), с длинными бородами или просто в кипах и современной одежде. Кипа — это специальный головной убор евреев: праздничный — из меха (большая кипа) и повседневный — из материи или из бумаги (малая кипа), символизирующий, что они всегда находятся перед Всевышним, Богом Израиля, что они Его солдаты и должны соблюдать Его законы. Ортодоксальные евреи носят ещё талит — своеобразное четырёхугольное покрывало, к углам которого пришиты кисти из восьми шерстяных нитей, завязанных пятью узлами (цицит). Во время утренней молитвы они надевают на себя «большой талит», а в течение дня носят поверх нижней одежды «малый талит», причём кисти должны быть снаружи и свисать по бокам брюк. Это покрывало с кистями напоминает еврею, что он обязан исполнять 613 заповедей Всевышнего (Моисей оставил из них десять — главнейших). Можно увидеть арабок-мусульманок в хиджабах* и... в джинсах и кроссовках; впрочем, попадают и в традиционных одеждах, даже в парандже. Однажды на улицах Старого города нам довелось увидеть молодую арабку с полностью закрытым чёрной паранджой лицом да ещё и в чёрных перчатках. «Значит, у неё особо ревнивый муж, — объяснил наш гид Александр, — не хочет, чтобы посторонние видели не только лицо его жены, но даже руки!» Часто встречаются православные греки, монахи и монахини в круглых низких скуфьях; католики: священники-падре в аккуратных чёрных подрясниках со стоячими воротничками, отцы-бенедиктинцы и францисканцы в рясах с капюшонами, сёстры католических орденов в белых апостольниках; армяне, копты, сирийцы, эфиопы.

* *Хиджаб* — женский головной убор в виде длинного покрывала.

* *Хамсин* — южный ветер с Иудейских гор.

Словом, кого только не встретишь! Не говоря уж о европейских разных мастей. Действительно Иерусалим — столица мира. Вся наша планета представлена здесь в своём разнообразии: все вероисповедания, все национальности, все социальные группы, все менталитеты, глубокая древность и современность.

В Старом городе, в еврейском квартале, мы даже повстречали человека в одеянии первого века нашей эры — в таком, в каком ходили в Палестине во времена Спасителя: сандалии на босу ногу, длинный белый хитон, белое покрывало в виде чалмы, с одной стороны спускающееся на плечо. Он очень колоритно смотрелся на фоне современных магазинчиков и лавочек.

Но самую удивительную картину мне довелось увидеть в первой поездке. Когда мы в Великий Четверг только что прибыли в Иерусалим и шли к Овечьим воротам, или воротам Стефана, а с левой руки от нас открывался прекрасный вид на Гефсиманию и так по-родному, по-русски сияли золотом купола женского монастыря Равноапостольной Марии Магдалины, впереди нас через перекрёсток бедуин в национальной одежде вёл под уздцы большого жёлтого верблюда, на котором восседал... еврей-ортодокс в покрывале, держа в руках Тору*. «Ну такого я ещё не видела! — воскликнула наш тогдашний гид Галина. — Еврей-ортодокс, читающий Тору на верблюде бедуина!»

...Вдоль каменной стены Старого города мы подошли к Новым воротам. В древности их не было. Эти ворота в конце XIX века специально сделали для Иерусалимского патриарха, чтобы ему ближе было идти до Патриархии. Несколько шагов — и мы в древнем Святом городе. Мощённые камнем, за тысячелетия отполированным до блеска, узкие улочки, пестрящие всевозможными вывес-

---

* *Тора* — Пятикнижие Моисеево.

ками; магазинчики, лавочки, кафе, закусочные, различные учреждения... К нашей радости, в Старом городе ещё пустынно — утро. Прохожих почти не видно, можно свободно передвигаться даже большой группой. Днём здесь уже трудно пройти. А если большой праздник, то приходится в буквальном смысле слова протискиваться через людей, кроме того, надо следить за своими карманами, пакетами и сумками.

— Старый Иерусалим занимает небольшую площадь — всего в один квадратный километр, — рассказывает Екатерина. — И вот на таком крохотном пространстве расположено 53 монастыря! Можно пройти по улочке и даже не заметить, что за одной из дверей скрывается монастырь. Да вы сейчас сами в этом убедитесь!

Пройдя всего несколько метров, Екатерина вдруг останавливается, показывая рукой направо.

— Вот посмотрите: обычная, вроде бы, дверь, а над ней икона. Видите? Это греческий монастырь «двух Феодоров»: великомученика Феодора Стратилата и Феодора Тирона.

Действительно, над дверью на стене висит барельефная икона Феодора Стратилата и Феодора Тирона. Святые изображены сидящими на конях с копьями в руках. Надпись на греческом гласит: «Иера мони агион Феодоро» («Священный монастырь святых Феодоров»). А рядом — знак «служителей Гроба Господня» из двух начальных букв греческих слов «Феликш Тафус» («Охраняющий гробницу»).

— Сейчас попробуем войти. Может, монастырь открыт, — Екатерина толкает дверь рукой, она открывается. Продолжая снимать на видеокамеру, она заходит внутрь маленького дворика и через минуту появляется со словами: «Никого нет, сам монастырь закрыт».

В другом месте над дверью в стене надпись «Агиос Николас» — монастырь Святителя Николая.

Радостные и оживлённые — паломничество наше началось на тихих улочках Святого города, ведущих к храму Гроба Господня (второе его название — храм Воскресения Христова), — мы поворачиваем налево и останавливаемся в приятном удивлении: над одной из дверей висит вывеска «Samara tourist travel agency».

— Вот видите, Самара и здесь обосновалась! — смеюсь я, фотографируя вывеску.

Другие тоже делают снимки.

— Конечно, это не наша Самара имеется в виду, — тут же развенчивает наши иллюзии Екатерина, — просто название туристического агентства, видимо, представляющее область страны Самарию. Но слово для нас родное, всё равно приятно.

Идём дальше и снова останавливаемся.

— А это греческая Патриархия, — показывает Екатерина на арку в стене, в глубине которой видны деревянные двери. Сверху арки — барельефное изображение, похожее на герб: складки знамени, которое венчает корона, посередине — Кувуклия*, справа от неё — солнце, слева — летящий голубь с масличной ветвью в клюве, справа снизу — по-моему, оливковое дерево. По бокам от герба висят два флага — греческий и Хранителей Гроба.

Наше тихое и безмятежное путешествие неожиданно нарушается рёвом мотора. Мы едва успеваем прижаться к стене, как мимо проносится, не сбавляя скорости, парень на красном мотоцикле и в красном шлеме. Учитывая узость улочки и количество людей на ней, остаётся лишь удивляться, как он никого не задел. Несколько мгновений все молчали, а потом кто-то выдохнул одновременно с испугом и восхищением: «Вот это да-а!» Пронёсшийся мотоциклист вернул нас к современности: город-то старый, а двадцать первый век и здесь двадцать первый век.

---

* *Кувуклия* — часовня Гроба Господня.

Улочки постепенно наполняются прохожими разных национальностей, начинают открываться лавочки и магазинчики, слышится разноязыкий говор.

Наконец-то мы у главной цели нашего паломничества: свернув налево и спустившись по ступенькам, выходим на площадь перед храмом Гроба Господня.

ГОД 2008-й. АПРЕЛЬ

Никогда не забуду, как я в первый раз оказался здесь в Великий Четверг 2008 года. Тогда мы пришли к храму от Претории по Крестному пути Спасителя*, чтобы спокойно помолиться и в Темнице Христа, и на остановках (у католиков — станциях). «Завтра, в Великую Пятницу, — сказала тогда Екатерина, — на Крестном пути соберётся столько народа, что пройти будет почти невозможно».

* * *

Вечер, людей на площади немного. Однако войти в храм Воскресения Христова нам сразу не удалось. Неожиданно израильские полицейские перекрыли вход. Что такое? И тут же наше недоумение рассеялось. «Нам повезло! — радостно воскликнула Екатерина. — Ко Гробу Господню идёт Иерусалимский патриарх. Поэтому и перекрыли вход в храм, чтобы он мог спокойно туда войти».

На колокольне зазвонили колокола. У них какой-то особенный звон, не такой, как в наших русских церквях, хотя часть колоколов привезена сюда из царской России. Он лёгкий, переливающийся высокими тонкими звуками, какой-то возносящийся вверх, небесный. В нём

---

* У католиков Виа Долороза — «Скорбный путь».

слышатся ноты восточных мелодий. Впрочем, на Святой Земле и воздух, которым ты дышишь, особенный, и небо, которое видишь, и земля, по которой ходишь, и моря, и реки, и горы, и долины — всё особенное, напоённое благодатью воплотившегося здесь Бога, молитвами Божией Матери, Иоанна Крестителя, апостолов, мучеников, святителей и преподобных...

Со ступенек на площадь спускается 141-й Предстоятель Иерусалимской Церкви Феофил (Яннопулос) в сопровождении кавасов*. В красных фесках, с жезлами, которыми они при каждом шаге ударяли в землю, с важными напыщенными лицами — кавасы выглядели так, что со стороны казалось: это патриарх их сопровождает, а не они его.

Иерусалимской патриарх, грек по национальности, оказался человеком маленького роста, шёл в одной рясе и в восточном архиерейском клобуке.

Утром он совершал на площади перед храмом чин Омования ног двенадцати священникам, который служит в Великий Четверг после Божественной литургии всеми православными архиереями. Мне тоже приходилось участвовать в этом торжественном и трогательном чине в Покровском кафедральном соборе Самары. А тут для Иерусалимского патриарха на площади возводят специальный деревянный помост с микрофонами, где он в присутствии паломников со всего света при чтении Святого Евангелия омывает ноги священникам, подобно тому, как Иисус Христос омывал ноги Своим апостолам, в том числе и Иуде, — во образ смирения и служения ближним, даже тем, кто предаёт Его...

Сначала мы подходим и прикладываемся к чудесной колонне с левой стороны от большого арочного входа, ведущего внутрь храма. На ней широкая и длинная трещи-

на на высоте человеческого роста, расширяющаяся книзу, как вечное напоминание о милости Божией к православным людям. В 1579 году колонну расщепил вышедший из неё Благодатный огонь. Сохранился рассказ инок Парфения об этом чудесном событии:

День был чистый и красный. Патриарх сидел на правой стороне. Вдруг ударил гром, и на левой стороне средняя мраморная колонна треснула, и из неё вышел Огонь пламенем. Патриарх встал и зажгёт свои свечи, и от него зажгли все православные христиане. Тогда все возрадовались и возвеселились, а православные арабы от радости начали прыгать, скакать и кричать: «Ты еси един Бог наш Иисус Христос; едина наша истинная вера — православных христиан!» И начали бегать по всему Иерусалиму, и подняли по всему Граду шум и крик. Они и до днесь творят сему память, прыгают и кричат кругом Божия Гроба, хвалят Единого Истинного Бога Иисуса Христа и ублажают православную веру.

Почему это произошло? Самое распространённое объяснение такое. Турки, владевшие ключами от храма, по договорённости с армянами в Великую Субботу не пустили в него Иерусалимского патриарха, и тогда Благодатный огонь сошёл не в Кувуклию, а вышел из этой колонны, неподалёку от которой смиренно молился патриарх со своим духовенством и многочисленные паломники. Но существует и другое объяснение. Огонь вышел из колонны ради бедных пилигримов со всего света, которые не могли войти в храм Гроба Господня. Оно имеет под собой реальные исторические основания. Раньше в храм вели два арочных входа, но второй, правый, турки потом заложили, чтобы было удобнее взимать плату с христиан, желающих поклониться Гробу Господню. Да, было такое время, когда сюда никто не мог войти, предварительно

* Кавасы — охранники.

не заплатив мусульманам бакшиш*. Именно через правый вход в V веке не могла пройти Мария Египетская, остановленная Божественной силой... Так вот, в Великую Субботу плата была особенно большой, и далеко не все христиане могли войти в храм Воскресения Христова.

Сохранилось свидетельство московских купцов Трифона Коробейникова и Георгия Грекова, совершивших паломничество на Святую Землю в 1593—1594 годах:

И берут поганые турки со всякого христианина по 4 золотых, тогда и в церковь пустят. Также и мы, грешные, по 4 золотых дали с человека. А которому христианину дать нечего, того и в церковь не пустят. Да там же людям, которые дают золотые, дают письма, да по тому письму их пускают, с которых возьмут. А с латинян, и с фрягов, и с еретиков берут по 10 золотых с человека, а золотых с чернецов не берут в пошлину». Братья Вишняковы, посетившие Иерусалим в 1805 году, писали: «Февраля пятого дня сподобились мы прийти ко вратам храма Гроба Господня. Пришедшие многие из магометан и арабов с ключами врата церковные, запираемые двумя замками, отперли и отпечатали; потом, вошед внутрь, сели на диван с левой стороны близ оных врат и, отбирая тескере** и фирманы***, пропускали поклонников, по входе коих, заперев и запечатав врата с наружной стороны, разошлись по своим местам.

И почему-то почти никто не пишет о том, что Благодатный огонь не сошёл в одну из Великих Суббот, когда в Кувуклии были крестоносцы со своим латинским епископом. Капеллан королей иерусалимских Фулк рассказывает:

* *Бакшиш* — пошлина.

** *Тескере* — квитанция о взносе 23 пиастров за право на вход в храм.

*** *Фирман* — разрешение.

Когда западные поклонники (из числа крестоносцев), посетившие Святой Град прежде взятия Кесарии, для празднования в нём святой Пасхи, пришли в Иерусалим, весь город был в смятении, потому что Святой огонь не являлся, и верные целый день оставались в тщетных ожиданиях в храме Воскресения. Духовенство греческое и латинское уже несколько раз начинало петь «Господи, помилуй!», несколько раз начинал петь и латинский патриарх над Святым Гробом, но Небесное пламя не сходило ни на одну из святых лампад. На другой день, в самую Пасху, клир и народ собрались опять в церковь, и опять не являлось Святого огня. Тогда, как бы по небесному внушению, духовенство латинское и король со всем двором своим пошли крестным ходом, босыми ногами, в храм Соломонов, недавно обращённый ими в церковь из мечети Омаровой. Между тем православные греки и сирияне, оставшиеся у Святого Гроба, раздирая свои одежды, с воплями призывали благодать Божию, и тогда, наконец, сошёл Святой огонь. При виде его полились обильные слёзы, все возгласили: «Господи, помилуй!» — и поспешили возжечь свечи. Небесное пламя внезапно разлилось повсюду при звуке труб и пении псалмов и рукоплескании народа. Общей радостью оживился весь Иерусалим.

Слава Богу, читатели, что мы христиане, а ещё более — что мы православные!

...Входишь внутрь храма и сразу попадаешь в другое измерение — евангельское. В таинственном полумраке ноги несут тебя прямо к Камню помазания, на котором после снятия с Креста Иосиф Аримафейский, Никодим и жёны-мироносицы помазывали тело Божественного Страдальца. Над Камнем висят восемь огромных белых стеклянных лампад, а вокруг стоят шесть высоких свечей-лампад от православных, армян и католиков, по две от каждой конфессии. Кто-нибудь из служителей храма периодически намащивает его благовониями, поэтому от

этой великой святыни всегда исходит благоухание. Некоторые неискушённые паломники принимают его за мироочение.

Как и все паломники ко Гробу Господню, встаю на колени и прикладываюсь к каменной плите желтовато-коричневого цвета. Две с небольшим тысячи лет назад здесь лежало бездыханное окровавленное тело Господа нашего Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи всего мира. Плита холодная. А как же иначе? Ведь здесь покоилось *мёртвое* тело Спасителя («Плотию уснув, яко мёртв, Царю и Господи», как поётся в эксапостиларии Пасхального канона) и сообщило камню смертный холод. На обратном пути из Израиля, в аэропорту, пожилой мужчина, наш, русский, вместе с женой посетивший Святую Землю, рассказал, что когда он положил руки на Камень помазания, они у него онемели от холода. Он, удивившись, убрал руки, а потом снова положил на плиту. И опять ледяной холод сковал их. «Наверно, был мне какой-то в этом знак!» — рассудил мужчина. На Святой Земле верующий человек не однажды видит поданные лично ему *знаки* от Господа, желающего всем спасения...

Вспомнились слова моего товарища священника, сказанные о храме Гроба Господня: «Один Камень помазания чего стоит! Упал бы на него и остался так лежать на нём навсегда!» Остаться навсегда в храме Гроба Господня — это естественное желание всякой души христианской, хотя бы раз побывавшей здесь. Желание благое, но неисполнимое. Хотя... Бывает и особый Промысл Божий. Но об этом позднее.

Напротив Камня помазания, на стене, расположено большое мозаичное панно, изображающее местность, которая в IV веке вся оказалась под сводами величественного храма, построенного царицей Еленой. С правой стороны — гора Голгофа, посередине масличная роща, слева — скала с могилой Иосифа Аримафейского. Написаны

также сцены снятия со Креста, миропомазания и погребения Спасителя.

Справа от Камня помазания крутые ступени ведут на Голгофу, место распятия Христа и двух разбойников, но все обычно идут налево — в большую круглую ротонду с массивными колоннами, к Кувуклии (Кувуклия в переводе с латинского — «опочивальня, спальня»), где, как бесценный жемчуг христианской веры, покоится Гроб Господень. По ходу, у армянской игуменской комнаты и лестницы, ведущей на так называемую вторую Голгофу, армянскую, откуда, со второго этажа как на ладони видна Кувуклия, — изящная мраморная ротонда с большой неугасимой позлащённой лампадой над местом стояния во время распятия Марии Магдалины, Марии Клеоповой и других жён-мироносиц.

Тогда, в Великий Четверг, нашей группе не удалось войти в часовню Гроба Господня из-за прихода патриарха, так как пускать паломников туда на время прекратили. Наш гид Галина, подвижная, общительная женщина, обладающая здоровым чувством юмора, еврейка русского происхождения, живущая в Израиле уже 20 лет и индифферентно относящаяся к любой религии, собрала нашу группу у огромной квадратной колонны с левой стороны от Кувуклии. Она предложила: «Давайте не будем ждать, когда снова станут пускать ко Гробу, а пойдём к коптскому приделу с западной стороны часовни. Там можно приложиться к той части Гроба, на которой лежала голова Иисуса».

Надо заметить, что храм Воскресения Христова разделён на много приделов, принадлежащих разным христианским общинам: греческой, армянской, католической, коптской, сирийской, эфиопской. Здесь существуют свои правила. Служить на Гробе Господнем имеют право только греки, армяне и католики, причём в строго определённое для каждой конфессии время. Даже занимаются

уборкой Кувуклии они в буквальном смысле слова по расписанию. Как правило, из-за нарушения статуса-кво и возникают частые конфликты между греками и армянами, владеющими основными территориями храма. Само звание «служитель Гроба Господня» — по-гречески «феликш тафус» — имеет особый статус. Служители Гроба Господня называются Святогробским братством. У православных греков знак «тафус» изображается над входом во все их храмы и монастыри на Святой Земле. Даже на пряжках ремней для священнослужителей и монахов. Такой ремень купил себе и я во время второй поездки в греческом монастыре Двенадцати апостолов на берегу Галилейского моря...

Я первым вхожу в крохотную часовенку египетских христиан — коптов. Горят свечи и лампы, слева стоит коптский монах в своеобразном капюшоне с белыми крестами, молится. Рядом тарелка для пожертвований. Чтобы приложиться к этой части Гроба Господня, нужно встать на колени и склониться, потому что над ней коптский престол. Кстати, в самой Кувуклии, где могут поместиться одновременно не более трёх-четырёх человек, нужно тоже встать на колени. Так что название — поклонник Гроба Господня — имеет и буквальный смысл.

Галина ждёт, пока вся группа приложится, а потом ведёт нас в какую-то дверь в стене напротив коптского придела. Мы оказываемся в небольшом заброшенном, похожем скорее на пещеру, храме. В алтарной части — древний каменный престол и больше ничего. Ни росписей, ни икон. Пустота и безмолвие. Одни камни, хранящие тайну многих веков. Даже не верится, что всего в нескольких метрах отсюда — Кувуклия, множество людей и разномыслие.

— Этот храм принадлежит сирийской общине, — на ходу объясняет наш гид. — Денег на его восстановление у общины нет, поэтому он и стоит до сих пор в таком запу-

стении. Но передать храм другой общине, у которой есть средства, сирийцы не могут, так как арендуют это место у Армянского патриархата и боятся потерять здесь свои права.

Вслед за Галиной через небольшую ступеньку и вырубленный прямо в каменной поверхности вход уходим куда-то в сторону, словно в глубь тысячелетий.

— То, что находится над нами, — это стены времён крестоносцев и более поздние постройки, — говорит Галина. — А здесь вы видите первый век нашей эры.

Оказавшись внутри ещё одной большой пещеры, мы полукругом обступили нашего гида. Над нами высятся почерневшие каменные своды. В одной из стен проём чуть ниже человеческого роста. Он ведёт уже в третью, маленькую, пещеру. Над ней висит икона двух святых.

— Перед нами сохранившиеся гробницы времён Христа, где были погребены Иосиф Аримафейский и праведный Никодим, — указывая на икону, начинает рассказ Галина. — Вот именно в таких гробницах в древности евреи погребали умерших. Гроб высекался в скале и имел два отделения. Усопшего намащивали ароматами, заворачивали в погребальные пелены, или плащаницу, и клали в гроб, в дальнее отделение. А в ближнем отделении гроба родственники оплакивали умершего и молились за него. Вход закрывали так называемым поворотным камнем. Вот видите — сверху над входом высечена ниша, — показывает рукой Галина. — В неё входил верх этого камня. Когда нужно было открыть гроб, нажимали на одну его сторону, и он медленно поворачивался.

— А для чего гроб закрывали тяжёлым камнем? — спросил кто-то из паломников.

— Чтобы туда не могли войти животные и дикие звери, — ответила наш гид и продолжила рассказ: — После того как тело истлевало, останки складывали в специальный ящичек, который называется *оссуарий*, и ставили его

в нишу, высеченную в стене. А на этом месте хоронили другого умершего члена семьи.

Мы внимательно слушаем Галину и представляем, как две тысячи лет назад здесь погребали тайных учеников Христа, Иосифа и Никодима, и вдруг нечеловеческой силы крики, от которых леденеет кровь в жилах и содрогается душа, донеслись до нас сквозь толщу камня.

— Это кричит бесноватая, — сказала Екатерина. — Скорее всего, на Голгофе, обычно там кричат.

Но мы не туристы, мы и сами прекрасно понимаем, кого там, наверху, опалило Божественным огнём. От пещеры, где мы находимся, до Голгофы несколько десятков метров и массив древней скалы. Нам становится не по себе. А каково же это слышать там, в самом храме?! И, пожалуй, каждый из нас начинает осознавать, в каком месте мы находимся — в самом святом месте на земле!

Однако наш гид Галина невозмутима — то ли она привыкла к таким крикам, то ли показывает профессиональную отстранённость от всего, что мешает её работе. Одним словом, никак не реагируя на душераздирающие крики, она тем же спокойным голосом продолжает рассказывать о древнееврейском обряде погребения. Всё это, конечно, интересно, но для нас самой важной была только одна её фраза:

— Эта гробница подлинная, а значит, где-то рядом находился и Гроб Иисуса Христа. Храм после разрушений и пожара восстанавливался и перестраивался несколько раз, и точное место уже невозможно найти, но Гроб находился здесь, недалеко от Голгофы.

Разумеется, Кувуклия построена не точно над тем местом, где была новая гробница Иосифа Аримафейского. Эту часть скалы отсекли от основной скалы. А над камнем, на котором лежал Спаситель и на котором Он воскрес, оставив погребальные пелены и сударь (головную повязку), воздвигли часовню, чтобы вокруг неё можно бы-

ло совершать крестные ходы. Но эта гробница находилась рядом, и царица Елена не ошиблась, воздвигнув величественный храм Воскресения Христова, покрывший собой место от сада Иосифа до Судных врат, ведущих на Голгофу. Он три раза подвергался разрушению (в 614 году — персидским царём Хосроем, в 1008 году — египетским султаном Хакимом и в 1808 году — в результате большого пожара), потом отстраивался заново, а это место под сирийским приделом так и осталось до сего времени безмолвным свидетелем величайшего события в истории человечества, свершившегося здесь в 33 году новой эры.

Немного ошеломлённые от увиденного и услышанного, накрытые мощной духовной волной, волной Божественной благодати, покрывающей всё вокруг в этом святом месте, мы поднимаемся наверх.

— Завтра мы останемся в храме на ночь, чтобы увидеть схождение Благодатного огня, иначе нам сюда просто не удастся войти, — произнесла Екатерина, возвращая нас в XXI век. — Поэтому на Голгофу мы сейчас не пойдём, там слишком много людей, а группа у нас большая. В Великую Субботу, рано утром, когда в храме почти никого не будет, мы туда спокойно поднимемся и помолимся. А сейчас я отведу вас в армянскую игуменскую, где можно будет купить свечи и наборы со святынями, — сделав паузу, Екатерина хитро улыбнулась. — После этого мы поднимемся на так называемую вторую Голгофу, принадлежащую армянам, где вас ожидает приятный сюрприз.

Возражать никто не стал. Наша группа, приехавшая в Иерусалим из аэропорта, сразу по жаре, без отдыха, прошла долгий путь от Гефсимании до храма Воскресения Христова. Он пролегал через ворота Стефана, с остановкой у развалин купальни Вифезда и в церкви Праведных богоотец Иоакима и Анны. Дальше мы шли по Крестному пути, достаточно долго пребывали в Претории, в темнице Христа. И если бы мы сейчас поднялась к месту

распятия Спасителя, то окончательно утонули бы в этой волне «благодати воз благодати» и уже не вышли бы из храма. А нужно было ещё по Старому городу пройти до Яффских ворот, потом — до автобуса и ехать устраиваться в гостиницу. У Екатерины с Валентиной Петровной, много лет возивших группы на Святую Землю, всё было продумано...

Купив в армянской игуменской у «служителей Гроба Господня» — молодых ребят, коротко стриженных, с едва обозначенными признаками бороды, одетых в чёрные подрясники — свечи и наборы святых, поднимаемся по широкой лестнице наверх, на вторую Голгофу, занимающую большое пространство. Если с юго-западной её стороны подойти к каменным перилам и посмотреть вниз, то можно увидеть перед собой всю Кувуклию, если же взглянуть вверх — купол ротонды Гроба Господня, на котором 12 больших и 70 маленьких звёзд, символизирующих апостолов Христовых. С юго-восточной стороны она заканчивается напротив первой Голгофы, по левую руку от главного входа в храм. Здесь находятся два армянских придела, украшенных красивыми цветными мозаиками, с мраморными престолами, и часть колонны, к которой был привязан Спаситель во время Его допроса в доме первосвященника Каиафы. На полу второй Голгофы тоже мозаики с надписями на армянском языке. С юго-западной стороны на стене висят древние била (прообразы колоколов), одно железное, другое деревянное. Впервые колокола появились в Западной Церкви, а потом получили распространение и в Восточной Церкви, но в греческих монастырях, например, била применяют до сих пор. Чуть дальше находится дверь, ведущая в кельи армянских «служителей Гроба Господня».

Нас встречает Артур, в крещении Григорий, уже несколько лет несущий послушание в храме Гроба Господня при Армянской патриархии. Невысокий, с открытым

лицом, на котором выделяются живые умные глаза, он хорошо говорит по-русски, так как родился в Армении, жил в России и благим Промыслом Божиим попал в Иерусалим. Рядом с ним, на скамьях, расположены православные иконы разных размеров с вделанными в них капсулами, а в руках у него — нательные крестики-мощевики.

— Дорогие мои! — голос Екатерины зазвучал торжественно и в то же время проникновенно. — Сейчас вы имеете редкую возможность приобрести иконы и крестики с частицами Голгофы. Раз в несколько лет конфессии, имеющие статус-кво в этом храме, по очереди очищают Голгофу от мелких камешков и частичек, появляющихся во время небольших землетрясений. Их вставляют потом в крестики и иконы, количество которых, конечно же, ограничено. Например, такую же икону, только больших размеров, подарили Владимиру Путину, когда он посетил храм Воскресения Христова.

Ну как не обрадоваться верующему человеку такой счастливой возможности! В храме Воскресения Христова купить святой образ и крестик-мощевик с частичками горы Голгофы, где стоял Крест Господень! Группа наша разбредается. Кто выбирает крестики, кто иконы, кто идёт приложиться к святой колонне. Я тоже покупаю несколько икон и крестиков — себе и в подарок.

Пока я ходил прикладываться со своими духовными чадами Александром, Светланой и их шестилетней дочкой Машей к колонне, не заметил, каким образом в руках у некоторых наших женщин появились зелёные пальмовые ветви.

— Да откуда вы их здесь взяли? — спрашиваю с недоумением.

— Сейчас «служители Гроба» принесли, — отвечает Вера Николаевна. — Остались после праздника Входа Господня в Иерусалим, — и протягивает мне ветвь: — Возьмите, батюшка!

Я взглянул на метровую пальмовую ветвь с длинными узкими листьями и почему-то не решился.

Потом, на Сионе, я с удовольствием возьму одну из маленьких веточек с красивыми розовыми цветами, подаренных нашим паломникам хозяином прекрасного благоухающего сада...

А вот известный самарский писатель Алексей Алексеевич Солоницын, посетивший Святую Землю в 1999 году, привёз оттуда пальмовую ветвь, правда, не такую большую. Когда я летом 2010 года был у него в гостях и разговор зашёл о Палестине, он показал мне её, лежащую на старинной иконе Спасителя: «Вот, привёз оттуда на память о поездке». В своих заметках паломника «Огни Святой Земли» Алексей Алексеевич рассказал, каким образом эта ветка оказалась у него в руках: «Помню, была тёплая ночь. Мне не спалось, и я вышел на балкон гостиничного номера. Небо было усыпано крупными яркими звёздами. Через перила балкона свешивались пальмовые ветви. Я вспомнил о том, что со Святой Земли всегда привозили пальмовые ветки — паломы. Отсюда и возникло это существовательное — «паломники». И ещё я вспомнил Лермонтова: «Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела...» Я срезал пальмовую ветку и бережно уложил её в дорожную сумку. Эта ветвь лежит у меня на киоте иконы Спасителя в красном углу моего кабинета. И будет лежать до последних дней моих». Пальма сама подала самарскому писателю свою ветку, а это совсем иное дело...

Когда мы вышли на площадь перед храмом, с ночного неба Святого Града нас радостно приветствовали палестинские звёзды, на которые смотрел во время земной жизни и Сам Христос. День здесь быстро переходит в ночь, а ночь, исчезая, так же быстро сменяется рассветом...

Говорить о храме Воскресения Христова, или Гроба Господня, и не рассказать о том, как мы были свидетелями схождения Благодатного огня на Пасху 2008 года, зна-

чит быть непоследовательным. Хочешь не хочешь, а придётся продолжить свои воспоминания о первой поездке на Святую Землю.

Итак, Великая Пятница. В этот день во всех православных храмах литургия не служится, так как Господь Сам принёс Себя в единую Жертву за всех людей, а служатся Царские часы. Затем совершаются службы выноса и погребения Плащаницы Господа нашего Иисуса Христа. По уставу они должны служить в разное время, но часто соединяются в одну большую службу, в конце которой по образу погребения Спасителя Пресвятой Богородицей, Никодимом, Иосифом и жёнами-мироносицами священники при торжественном погребальном песнопении «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас» полагают Плащаницу на специальную гробницу, украшенную свежими цветами. Она лежит там до ночного Пасхального богослужения, всё это время к ней с благоговением прикладываются верующие. В храме Воскресения Христова Иерусалимский патриарх, архиереи и священство выносят Плащаницу из алтаря греческого Кафоликона* и, обойдя с ней Кувуклию, полагают её на Гроб Господень.

Мы молились на службе выноса Плащаницы в Троицком соборе Русской Духовной Миссии, построенном в конце XIX века в византийском стиле. Людей было столько, что, как говорится, яблоку негде было упасть. У меня возникло впечатление, будто я не в Иерусалиме, а где-то в России: в Троице-Сергиевой лавре или в Троицком соборе Дивеевского монастыря. Особенно когда стали прикладываться к Плащанице. Все молящиеся, как у нас водится, бросились вперёд — надо же быстрее! — и у гробницы возникла давка. Даже мне и другим священникам,

---

* *Кафоликон* — главный, соборный, храм монастыря или монастырского комплекса.

бывшим в храме, с великим трудом удалось протиснуться к Плащанице, чтобы к ней приложиться.

Правда, во время продолжительной службы был такой момент, который мог возникнуть только на Востоке. Клирос для чтецов и певчих в соборе Русской Духовной Миссии наверху, на балконе. И вот ближе к концу богослужения оттуда вместе со звуками песнопений по всему храму стал распространяться запах... свежесваренного кофе. В Страстную Пятницу принято не кушать до погребения Плащаницы, то есть до вечера. Это не каждому под силу. Видимо, певчие решили подкрепиться и заварить кофе. Он бодрит и освежает. У нас чаще пьют чай, а на Ближнем Востоке и в Малой Азии — кофе. Любитель этого напитка может хорошо представить, как трудно стало нам стоять на службе, вдыхая в себя кофейный аромат. Вот такое неожиданное страстное искушение...

Вечером наша группа, уже сплотившаяся в единый духовный коллектив, взяв с собой складные стульчики (для чего — объясню позднее), от отеля Olive tree («Оливковое дерево») дружно двинулась по вечернему Иерусалиму через Дамасские ворота к храму Гроба Господня.

...Улочки Старого города наполнены не только мирными людьми и полицией, но и военными с автоматами, в касках и бронежилетах. Они стоят небольшими группами почти через каждые десять метров. К ночи все подступы к храму перекроют в несколько кордонов, и утром сюда уже не пройдёшь.

В отеле перед ужином мы встретили самарскую делегацию, прилетевшую спецрейсом за Благодатным огнём. Я с радостью обнялся с отцом Олегом, своим давним товарищем, и спросил:

— Пойдёшь с нами на ночь в храм?

Он отказался:

— Нет, я устал после перелёта, завтра утром с делегацией пройду, у нас пропуска.

Отец Олег прилетел на Святую Землю в четвёртый раз, он три раза присутствовал на схождении Благодатного огня, так что уговаривать его я не стал. Однако в храм Гроба Господня он не попал. Даже с пропуском.

Идти по узким каменным улочкам Старого города большой группой трудно. Лавочки, кафе, магазинчики, торговцы с разнообразным товаром прямо под ногами, их зазывные крики... Предметы религиозного обихода, церковная утварь перемежаются с одеждой, обувью, чемоданами... Вся эта пестрота сильно отвлекает внимание. Да и людское разнообразие — тоже. Православные батюшки, монахи и монахини, католические монахи и пасторы, мусульманки в хиджабах, европейцы...

Наконец мы выходим на площадь перед храмом Гроба Господня. Здесь тоже полиция и солдаты. А вот паломников немного. Все, кто сможет пройти через кордоны, придут сюда завтра.

Наша группа скромно стоит с правой стороны, у входа в эфиопский придел. Ждём, когда из храма выйдет Григорий и поведёт нас в один из закрытых приделов храма Гроба Господня, чтобы провести там ночь перед Великой Субботой. Рядом с нами появляется араб средних лет подозрительного вида. Сначала он молча наблюдает, прислушивается к нашим разговорам, убеждается, что мы русские, потом подходит ко мне, протягивает осторожно какую-то бумажку и произносит заговорщицки: «Сто доллар». Я не понимаю, что он мне там предлагает за сто долларов, но сразу показываю движением головы: не надо. Екатерина, видевшая эту сцену, тут же громко объясняет: «Предлагает пропуск в храм на схождение Благодатного огня. Но завтра и с ним сюда не пробиться. Да и наверняка он поддельный или прошлогодний». Араб, попытавшись предложить пропуск ещё нескольким людям, недовольный отходит в сторону.

В это время возле нашей группы появляются двое представительных мужчин из самарского спецрейса — ректоры самых известных в городе университетов. Екатерина предлагает им вместе с нами остаться в храме Гроба Господня. «Да нет, — ответили они. — Нам сегодня уже всё показали. Мы завтра с делегацией придём». Я внутренне улыбнулся: как можно за несколько часов *всё* увидеть в Иерусалиме? До революции паломники, пришедшие ко Гробу Господню, жили здесь месяцами, чтобы *помолиться*. Не увидеть и познакомиться, а помолиться у святынь Палестины, поговорить, причаститься Святых Христовых Таин на Гробе Господнем.

В моей библиотеке есть книга Виктора Каминского «Воспоминания поклонника Гроба Господня» в двух частях, изданная в 1859 году. Первое своё паломничество на Святую Землю он начал на Покров, 14 октября 1850 года, и завершил после Пасхи, в конце апреля 1851 года. У него было время не только действительно всё объездить на лошади, исходить пешком и спокойно помолиться, но и вести подробные путевые заметки. Сейчас паломнические группы приезжают сюда, как правило, на неделю и то не успевают побывать и вознести свои молитвы к Богу на всех святых местах, хотя передвигаются не пешком, а на автобусах.

В ожидании Благодатного огня

...Какое счастье даже просто вот так стоять у храма Воскресения Христова, куда стремится всякая христианская душа, особенно на Пасху! Смотреть на иерусалимское небо, на Святые врата, ведущие туда, где находится географический центр Земли и где совершилось Распятие и Воскресение Сына Божия; смотреть на людей, приехавших сюда со всего мира. Даже на израильских полицейских, недружелюбно поглядывающих на нас, православных! Что нам до того, если рядом находится Гроб Господень и завтра на него сойдёт Благодатный огонь!

На душе тревожно и радостно. Тревожно оттого, что думается: а вдруг огонь не сойдёт по нашим тяжким грехам, переполнившим чашу терпения Господня, в том числе и по моим грехам? А радостно потому, что, если огонь сойдёт, то я стану свидетелем великого чуда и неизреченной милости Божией... Удивительно, но точно такие же ощущения возникают у многих паломников, которым посчастливилось быть здесь в Великую Субботу. Читая книгу «Благодатный огонь. Чудеса на Гробе Господнем (свидетельства очевидцев от древности до наших дней)», я заметил, что паломники разных времён описывают свои чувства при ожидании схождения Благодатного огня почти одними и теми же словами!

Наконец появляется Григорий и ведёт нас внутрь храма. По правой стороне мимо Голгофы мы направляемся в подземную церковь, своего рода крипту*. Спускаемся туда по широкой каменной лестнице из множества ступеней. На полу выложена красивая старинная мозаика, стены расписаны армянскими иконописцами. Алтарная часть отделена невысокой, в одну ступень, солейей и чугунной оградой. Иконостаса как такового нет. Только росписи и мраморный престол.

---

* Тайное, скрытое помещение под основным зданием.